

ТРУБАЧ

Лишь доверь ему секрет,
Он (в чьей личной честности
Никаких сомнений нет)
Раструбит на целый свет
И его окрестности!

Эмиль КРОТКИЙ

КУКРЫНИКСЫ-58.

КРОКОДИЛ

УРОЖАЙ СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ...

Открытое письмо заместителю начальника Алтайского краевого управления хлебопродуктов тов. Л. А. Герлаху и главному инженеру треста «Алтайхлебострой» тов. А. Г. Вакарчуку.

Копия: министру хлебопродуктов РСФСР тов. Н. Э. Прошунину.

Простите меня, Лев Александрович и Анатолий Георгиевич, что я вмешался в спор, который вы ведете с таким азартом. В спор, о котором пишет мне из Барнаула корреспондент Крокодила П. Бутурлакин.

Дело зашло уже, сами знаете, довольно далеко. Вы обзываете друг друга гусаками и прочими обидными именами, а когда устаете говорить, начинаете писать друг на друга жалобы. Попишете-попишете—и снова начинаете препираться. А урожай уже у порога, богатый, щедрый. Ему скоро понадобятся самые мощные зерносушилки, самые просторные склады!

Помните чудесное мартовское утро на берегу Оби? Тогда вы вместе с другими радовались торжеству закладки сушилки Барнаульского элеватора. Гремела музыка, строительно-монтажное управление № 3 треста «Алтайхлебострой» объявило стройку скоростной. Оно поклялось, что сушилка, рассчитанная на прием 64 тонн зерна в час, будет готова во второй половине сентября 1957 года. А представитель краевого управления хлебопродуктов заверил, что оборудование для сушилки будет дано в срок.

Глядя со слезами умиления на это роскошное торжество, вы ласково пожимали друг другу руки. А теперь, ко-

гда вы встречаетесь, руки ваши сжимаются в кулаки.

— Строительные работы у вас все замирают!—кричите вы, Лев Александрович, так, чтоб и в Москве было слышно.

— Да, строим мы без спешки,—спокойно парируете вы, Анатолий Георгиевич.— А вы разве не хороши? Задерживаете поставку оборудования. Кто знает, может быть, именно поэтому нам и строить неохота...

Пока вы, бывшие друзья, препираетесь, на стройке все замерло. И поставщики оборудования, следуя вашему примеру, думают не столько о встрече урожая, сколько о том, как бы написать побольше бумаг. Восемь месяцев мариновало Алтайское строительно-монтажное управление треста «Спецэлеватормелестрой» заказ на самотеки и воздухопроводы. А на девятом разразилось очередной бумажкой:

«Сообщаем, что все самотечное оборудование, горячие и холодные воздухопроводы для барнаульской зерносушилки и ее топки... своими силами выполнить не можем».

В ответ заказчики настроили очередное яростное письмо. Но дело с самотеками и прочими механизмами так и осталось по-прежнему на само-

теке. Не хватает еще около трети оборудования. Когда же оно придет? Может быть, одновременно с первым зерном? Или попозже?

До сих пор не готовы перекрытия сушильной башни. Стены топки только начинают возводить. Куда же прикажете ссыпать хлеб, товарищи Герлах и Вакарчук? Может, в ящики ваших письменных столов? Туда, где сегодня хранятся бумажки—следы состязания по переброске ответственности от своих ворот к воротам противника?

Но пока длится это состязание, урожаем не ждет. Он созревает. Есть опасение, что в ваши двери он так и не достигнет...

Кстати сказать, почему не слышно на строительно-спортивном матче судейского свистка? Может быть, министру хлебопродуктов РСФСР тов. Н. Э. Прошунину недосуг вмешаться и поставить игроков на место? Тогда сообщите, пожалуйста,—будем искать судью со специальным юридическим образованием.

А пока приношу еще раз самые глубокие извинения за то, что потревожил вас.

Примите уверения и прочее.

КРОКОДИЛ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ПРИСПОСОБИЛСЯ

Смелый заяц

Лев, в шахматы играть большой любитель,
Вступил однажды в состязанье с тем,
Кто трусостью своей в лесу известен всем.
Болезьщики вскричали: — Посмотрите,
Какой нашелся хват!
Вот длинноухая порода!
Да Лев ему устроит мат
В два хода!

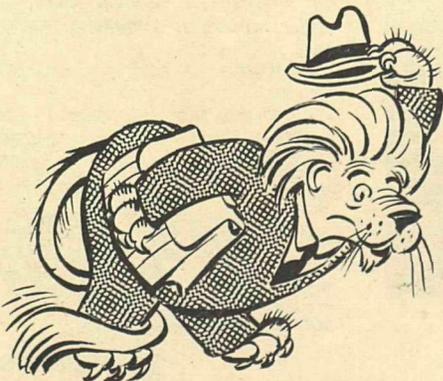

Он побеждал и не таких,
Единым махом с ними расправлялся,
С Медведем как-то шла борьба у них,
Так Мишка на второй минуте сдался.
— Погиб, Косой! Попал в цейтнот!.. —
Со всех сторон шептали Заяц в уши.
Но Заяц никого не слушал,
А, зная, обдумывал свой ход.
Сперва у Льва он разсм снял две пешки,
Потом угрозу создал для слона.
Ошибка Лев наделал в спешке...
Болезьщики вскричали: — Вот-те на!
Пожалуй, так недолго и до мата...
Дела у Льва шли туговато!..
А Заяц, позабыв все табели о ранге,
Все замыслы врага раскрыв,
Броском ладьи осуществил прорыв
На королевском фланге.
— Ботвинник!..
— Нет, Смыслов! — раздался крик.
У всех в глазах Заячишка вырос вмиг.
— Гроссмейстер! Видно по всему...
Противника Косой принудил сдаться!..
И Лев с тех пор стал кланяться ему,
Коль доводилось где встречаться,
И первый лапу жал ему при всех...

* * *

А вы, чай, думали: Лев заячий успех
Расценит как подрыв авторитета!
Нет, хватит трафарета!

г. Казань.

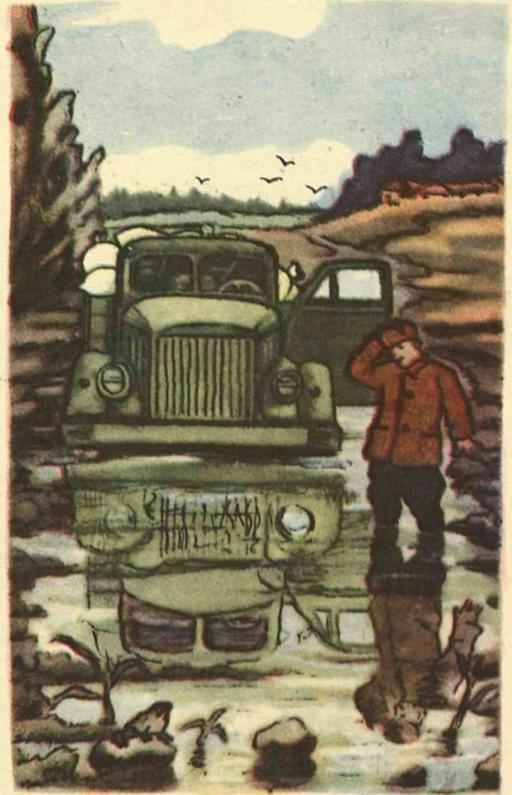
АРА

(«ШМЕЛЬ»).

Казахский сатирический журнал

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Рисунок И. КИРХАДЖИ.

Работа доротдела видна, как
в зеркале...

Рисунок Г. ТРОСТЯННО.

— Гражданин! Имейте совесть, возьмите билет!

Рисунок Н. КАЗАНЦЕВА.

— Нашему чабану привезли новую юрту, сапоги, дождевик
и книги.

— Это только на время киносъемки.

Вороной красавец величаво вышел за ворота, ударил копытом оземь и, вытянув шею, звонкоголосо заржал:

— И-и-и-о-го-го-го!

На языке Вороного это «и-о-го-го» означало следующее: «Слушай меня, лошадиное поголовье! Выходи строиться!»

Побудка вожака всполошила весь наличный состав конюшни. Торопливо выбегали из денников игривые стригунки, степенно выходили с малышами солидные кобылицы, важно и с достоинством топали мрачноватые тяжеловозы.

Красавец придиричиво осмотрел табун, подтолкнул кое-кого грудью, дабы выровнять ряды, и, видимо, остался весьма доволен построением. Он выступил на три шага вперед, лихо взбрыкнул и, подняв хвост трубой, стрелой понесся к зеленому долу. Подражая своему вожаку, со взбрыком ринулись остальные. За околицей вздыбились вихри пыли, и степь загудела от множества копыт.

В аррьергарде табуна мелкой рысцой семенили пожилой Буланый конь и Чалая кобыла, мать вожака-забияки. Они бежали, не торопясь, и на ходу завели меж собой преинтереснейший разговор.

— Глянь-ка, глянь-ка, Буланый, на моего оболтуса,— заговорила Чалая на своем иоготкающем лошадином наречии.— Ишь, гарцует, негудетый! Четыре года балбесу, а он— ни тпру, ни ну. Сбруи не нюхал.

РЕПЛИКА БУЛАНОВОГО

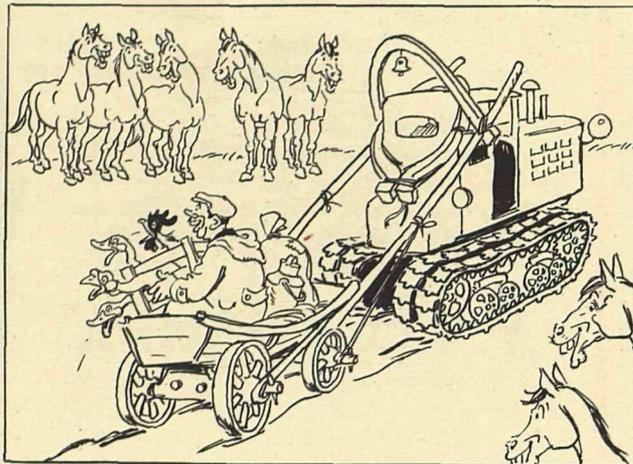

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Мы в его годы из хомута не вылазили...

— Зря ты, Чалая, хулишь своего сына,— возразил Буланый.— Он возил бы не хуже нас с тобой, если бы...

— Если бы в колхозе не было техники, ты хочешь сказать.

— Нет, Чалая, я из ума не выжил, чтобы так говорить. Без машин колхозу теперь никак не обойтись. Но зачем же председатель колхоза Шпиньков торопится списать нашего брата коня? Он нас и за тягло не считает...

Буланый гневно махнул хвостом, шевельнул ушами и продолжал:

— Выхожу сегодня поутру из конюшни, вижу: Шпиньков возле моей телеги возится. Ну, обрадовался я: наконец-то вспомнил о Буланом. Приближаюсь к нему и ласково этак тычу его губами в плечо, а он развернулся да как хлопбытнет меня вдоль спины. «Не суйся,— говорит,— старый мерин, куда тебя не просят!» Эх, и обидно мне стало!

— И кого ж он запряг в твою телегу? — полюбопытствовала Чалая.

— Выходит, что коням отставка? — с грустью молвила она.

— «Кого, кого!» — передразнил ее Буланый.— Не перебивай, пожалуйста, слушай, что было дальше... На чем я остановился?... Да, стою я обиженный у забора, вижу, Джунузак Тюлемышев на тракторе едет и прямо к моей телеге. «Батюшки-светы,— думаю,— неужто этакую машинищу хотят заложить в оглобли?». Гляжу, так и есть: привязали телегу к трактору и поехали. Полубойся, мол, старый хрыч, какая у нас коняга!

— Подобного у нас в Киргизии, кажись, еще не было,— заключила старая кобыла, мотнув головой.— Колхоз «Дружба» и его председатель Шпиньков, видать, первыми отличились на весь Сокулукский район, а возможно, даже на всю страну.

— Не думаю! — глубокомысленно заметил Буланый, хлестнув себя хвостом по бедрам.— Родственник есть у меня в Белгородской области. В колхозе «Шестой съезд Советов», Октябрьского района. Неплохой конь, по прозвищу Саврасый, молодой еще, в соку. Иогото, сколько бы мог возить! И что ты думаешь? Выпрягли!.. Кто выпряг, спрашиваешь? Секретарь колхозной партийной организации Николай Федоренко и агроном Михаил Карамышев. Саврасого побоку, а его бричку—к трактору, и айда в путь-дорогу по своим делам. На тракторе, мол, надежнее.

Чалая задумалась. Рассказ Буланого сильно задел ее лошадиное самолюбие.

— Выходит, что коням отставка? — с грустью молвила она.

— Ой, нет! — горячо возразил Буланый.— С этим я никак не могу согласиться. Ужели ты думаешь, Чалая, что нашему брату так-таки делать нечего?! Ну, скажи, могла бы ты сено возить? Могла. И я бы мог, и вот он, Пегий, и Рыжий, и Серый, да и твой Вороной повозил бы за мое почтение. Дело-то до чего дошло? Нам, лошадям, сено на тракторах возят. Срам! Опять же возьми жатву. Зерно ли принять от комбайна, мякину ли подвезти на гумно— да мало ли дела в хозяйстве! А он, Шпиньков-то, председатель колхоза, все норовит оттереть нас в сторону. Конную тягу даже планировать не желает. По каждому пустяку трактор снаряжает. Не экономно это, прямо скажу! Не экономно!..

...Впереди послышалось урчание мотора. Табун расступился, пропуская трактор... с бричкой на прицепе. У руля сидел тракторист Василий Лысенко, в телеге—его закадычный друг Николай Кащенко. Они выполняли какой-то частный подряд на стороне и теперь возвращались домой с хорошей выручкой.

— Тоже наши! — заметила Чалая.

— Чьим же еще быть! — подтвердил Буланый.— Видишь, осоловелые какие! Должно быть, здорово тяпнули на магарыче!

Непутевый сын старой кобылы остановился, пристально поглядел на седоков, трижды взбрыкнул и загоготал во все лошадиное горло:

— И-и-и-о-го-го-го!

Н. ВОРОБЬЕВ

В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Какие открытия сделал ваш институт за последние три года!
— Открыл два филиала.

ПРИЧУДЫ МЕСТНИЧЕСТВА.

Б. КОТЛЯРОВ

Изменение предлога

Поэт Мефодий целый воз
Стихов в редакцию принес.
Их консультант прочел внимательно
И безнадежно произнес:
— М-да! Все уж больно подражательно.
Нет своего! Наоборот,
Все под кого-нибудь! Все под...
Одно под Михалкова,
Другое под Суркова,
А третье под Смирнова,
И снова «под»... И снова...

Мефодий в горе... Вдруг идея:
«Лишь изменю предлог везде я.
Раз плохо «под»,
То будет «на»!
Не пропадут стихи Мефодия!»
Им надпись новая дана:
Литературная пародия.
Одна на Михалкова,
Другая на Суркова,
А третья на Смирнова,
И снова «на»... И снова...

И те же самые творенья
Поэт, не тратя новых сил,
Теперь уже без промедленья
В журналах разных поместил.

г. Харьков.

Подарок

В один из воскресных вечеров у бухгалтера птицепухтреста Гильмуллы Асгатовича заныл коренной зуб.

Больной страдал. Сколько аспирина и пирамидона извел — и не счастье! Встревоженные чада и домочадцы дружно применяли испытанные средства: прикладывали к воспаленной щеке горячие, теплые, ледяные компрессы. Не помогало. Зуб ныл, опухоль росла. Наступил такой момент, когда Гильмулла Асгатович уже не стонал, а выпл. Сбежались соседи, посыпались советы. Каждый предлагал свой «новый», «особый», «сверхэффективный» метод лечения. Но проклятый зуб не поддавался.

Хаерлебанат Гумеровна страдала не меньше супруга. Она бегала, суетилась, охала, вздыхала, ежесекундно поглядывала на часы. Еле дождалась рассвета, женщина вывернула наизнанку меховые варежки, приложила их к опухшему месту, обмотала лицо и голову мужа пуховым платком.

— Упаси бог, не простудись! — дрожащим голосом напутствовала она его.

Гильмулла Асгатович двигался словно в тумане, света белого не видел. Кое-как добрался он до зубной лечебницы. Открыл дверь. Огляделся вокруг. С нарисованного на картоне плаката ему улыбалась веселая, жизнерадостная женщина в белом колпачке. На ладони ослепительно сиял коренной зуб.

Под плакатом висела табличка со строгим словом «Регистратура». Гильмулла Асгатович устремился сюда, как на спасительный огонек маяка. Он просунул голову в окошечко и процедил сквозь зубы:

— Мне к врачу...

— Что? — не поняла регистраторша.

— К врачу, говорю, — всхлипнул больной.

Девушка пристально посмотрела на его страдальческую физиономию и сочувственно сказала:

— Талонов уже нет, но вас, конечно, и так примут. Обратитесь в кабинет № 6.

Когда Гильмулла Асгатович подошел к кабинету врача, человек пятнадцать с повязками атаковали медсестру, умоляя пропустить их вне очереди.

— Не могу, товарищи! — говорила сестра. — Не могу! У кого пятый номер — тот и пройдет! Ну, кто пятый?

— Я! — неожиданно для себя крикнул Гильмулла Асгатович.

— Проходите!

Пациенты не успели «разоблачить» нарушителя. Гильмулла Асгатович уже стоял по ту сторону двери, а женщина в халате торопилась его занять кресло.

При виде разложенных на столике щипцов, длинных шил с искривленными остриями, буравчиков, больших и малых, Гильмулла Асгатовича прошиб холодный пот. Он беспокойно следил глазами за руками врача: какой из этих страшных инструментов они ухватят?

Женщина-врач приказала открыть рот.

— Маленькое дупло, — сказала она через минуту и положила в отверстие смоченный чем-то комочек ваты.

Спокойный ли тон или прикосновение остро пахнущего лекарства, но что-то действовало на настроение Гильмуллы Асгатовича. Он почувствовал такое облегчение, будто тяжелая гора свалилась с плеч. На улице он совсем выпрямился, озорно огляделся — день показался ему каким-то новым, просветленным.

Он вспомнил врача, ее юное лицо, голубые глаза, каштановые локоны. «Немного ведь поколдовала, а поди ты — снова вселила жизнь. Ведь еще один день мучений — умер бы».

Нет, нет, тех благодарностей, что он бормотал при прощании, мало. Надо написать! Теплые, задушевные слова написать в книгу отзывов.

Взгляд Гильмуллы Асгатовича упал на витрину магазина, и его озарила неожиданная мысль: «Сделаю личный подарок!»

Конечно, она будет отказываться: «Что вы?! Не надо! Я только свой врачебный долг выполняю!» Но он тоже не простак — напустит на себя важный вид и скажет категорически: «Берите, дочка, за служили!»

Его внимание привлекла коробка с духами и пудрой. Чем не подарок! Но цена! Сто восемь рублей! Снова чуть не заныл зуб. Впрочем... Пусть будет сотня. Не жалко. Он начал уже ощупывать карманы, но вспомнил: через два дня снова идти к врачу на прием. Вот тогда он и купит ей что-нибудь подходящее...

Два дня Гильмулла Асгатович щелкал костяшками счетов, а из головы не выходил подарок. В свободное время забегал он в магазины и внимательно рассматривал вещи, которыми никогда до этого не интересовался. Подолгу советовался с продавщицами: что лучше примет женщина?

Накануне приемного дня ему в голову пришла простая мысль: да ведь и духи подешевле бывают. К тому же, как говорили в древности, верблюд — подарок, но и

иголка — тоже подарок. Даренному коню в зубы не смотрят.

Назавтра Гильмулла Асгатович пришел в поликлинику с пустыми руками. Однако не подумайте, что он забыл о подарке.

Женщина-врач встретила его как старого знакомого. Подробно расспросила, как и что, заглянула в рот, поковыряла коренной зуб кривым инструментом. Велела прийти опять через два дня.

— Вот ловко работает! — восхищался Гильмулла Асгатович, покидая кабинет.

На улице он остановился возле витрины. Да, сторублевый подарок дороговат. Если за каждый зуб по сотне давать, то никакой зарплаты не хватит. А чем плох этот флакончик? И всего тридцать рублей! Да, пожалуй, этот в самый раз.

Снова советовался Гильмулла Асгатович с соседями, сослуживцами. Не удержался — с женой поделился. Однако Хаерлебанат Гумеровна только брови насупила: — Тебе виднее!

Как-то, сидя у двери врачебного кабинета в ожидании приема, Гильмулла Асгатович задумался. О подарке? Нет. Ему показалось, что врачи иногда задают пациентам много ненужных вопросов, медленно работают, в общем, не дорожат временем. Если все драгоценные потерянные минуты подтожить и перевести на зарплату больных, солидная сумма получится! Вот и он ходит сюда третью неделю, а всего-то надо было почистить дупло и положить пломбу. Правда, как постоянного посетителя, его не задерживают в очереди, но все-таки...

Возвращаясь домой в этот вечер, он не останавливался у витрин магазинов...

Наступил день последнего приема. Гильмулла Асгатович, как всегда, прошел прямо к двери, не обращая внимания на столпившихся больных. Но на самом пороге его задержала медсестра: — Врач Хуснутдинова еще не пришла.

А позади буркнул недовольный голос:

— Уже десять минут девятого! Гильмулла Асгатович поморщился и отошел к щербатой скамейке. Поминутно вытаскивая из брючного кармашка часы-луковицу, он прождал четверть часа. Ожидание было томительным, раздражало и лекарственные запахи и стелания больных...

— Дайте жалобную книгу! Это сказал Гильмулла Асгатович. А вскоре он же, откинув запыленную обложку книги, четким, бухгалтерским почерком выводил: «Врач Хуснутдинова проявляет вопиющую невнимательность к больным. Часами приходится дожидаться приема. Вот, к примеру, сегодня...»

Докончив гневную жалобу, Гильмулла Асгатович приписал: «Ответ на жалобу прошу прислать по адресу...» — и вывел вычурную подпись.

Спустя несколько дней прибыл ответ. В нем сообщалось, что врач Хуснутдинова опоздала на работу не по своей вине. В вагоне трамвая одному пассажиру сделалось дурно. Хуснутдинова привела его в чувство и отвела в больницу. Это и задержало ее на полчаса. Гильмулла Асгатович прочитал ответ, и на мгновение ему показалось, что у него снова заныл зуб. Но это было только мгновение...

Перевод с татарского Газиза ВАЛЕЕВА.

Должности колхозных счетоводов нередко занимают малоквалифицированные люди.

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

СЧЕТОВОД

— У меня столько трудней, что сосчитать не могу!

После дождика в четвери

...Спился с ног

«...И вязнут спицы росписные в расхлябанные колен...» — писал поэт в начале нынешнего века. Сейчас, разумеется, этот художественный образ сильно устарел: не те спицы в автоколеснице! Но «расхлябанные колен» там и сям по-прежнему осложняют передвижение наших современников.

Давай же, любезный читатель, сядем с тобою на мой персональный кроколет, преодолевающий пространства с быстротой мысли, и начнем, благословясь, дорожные заметки о бездорожье...

НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ УЛИЦЕ

Пролетев над Орлом, взяли курс на город Дмитровск-Орловский.

— Ну-ка, Вася, давай снижаться, — говорю пилоту. — Кажется, оно самое, о чем пишет здешний корреспондент товарищ Пенюшин...

«Висим» в воздухе на высоте 20 метров. Прямо под нами широкая и глубокая центральная улица Дмитровска. Нет, я не оговорился: именно глубокая. Недавно увяз в ее непролазной грязи возле ресторана полутонатонный грузовик! Натужно рыча, его тянула вторая машина... Ну, конечно! И эта застряла.

— Дяденька Крокодил! — кричат снизу мальчишки. — Это еще пара пустяков! Тут как-то возле училища механизации автобус в ямичку провалился, — вот было интересно! Его трактором вытаскивали!

Да, все это действительно очень интересно; тем более интересно, что, по имеющимся сведениям, в прошлом году на благоустройство города было отпущено более 200 тысяч рублей, а в нынешнем — 300 тысяч с гаком.

Выражаю горячее желание повидать председателя горисполкома тов. Граборова. Но сведущие люди говорят:

— Не трожь председателя! Он сегодня занят.

— Чем же это он так занят?

— Пишет. В районную газету. Очередную статью о благоустройстве. Ничего не напишешь: дело самаважнейшее! Почтительно отступаем на 300 метров вверх и летим дальше.

НЕ ПОВЕЗЛО...

Тихий сельский пейзаж Пензенской области. На полях Камешкирского района стрекочут тракторы, а по дороге, ведущей к другому районному центру — Кузнецку, фрезво бежит грузовая автомашина с пассажирами. Среди них наш селькор из села Старый Чирчим Виталий Петрович Бердников.

Мелькают мимо поля и перелески, еще несколько километров — и пора бы уж шоферу завести классическую дорожную «Вот впереди село большое». Но внезапно раздается пронзительный визг тормозов, и пассажиры в кузове машины валятся друг на друга: «внеплановая» остановка перед мостом через овраг, пересекающий село Нижнее Аблязово...

— А, чтоб ты провалился! — несколько нелогично говорят путешественники, осматривая деревянную развалину, которая не ремонтировалась, очевидно, со времен царя Гороха.

Машина с трудом разворачивается и ползет в объезд за несколько километров — по буграм и некопаным огородам. Сопровождаю путников до самого Кузнецка. Неоднократно свидетельствую им свое искреннее соболезнование, глядя, как они снова и снова преодолевают всякие неестественные препятствия и судорожно цепляются за борт грузовика на немислимых колдобинах и ухабах.

Откровенно говоря, я сильно надеялся, что счастливый случай предоставит мне возможность лицезреть на этом же пути картину справедливого возмездия: какую-нибудь застрявшую в рытвине легковую машину с районным начальством. Нет, не повезло! Вполне возможно, что после дождика в четверг и в другие дни недели начальство не рискует путешествовать по столбовой дороге, необычайно чувствительной к атмосферным осадкам...

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ МОСТ...

Видел замечательный мост через реку Свягия в районном центре Ишеевке, Ульяновской области. Местная достопримечательность! На ней, то бишь на нем, из года в год получают досрочную инвалидность автомашины и лошади. Как именно это происходит, хорошо видно во всех подробностях из окон кабинетов председателя райисполкома тов. Климина и заведующего дорожным отделом тов. Сидорова.

Посылаю им свой крокодильский воздушный привет и лечу дальше.

Что за наваждение? Только вчера мой корреспондент Сергей Петрович Поздеев писал мне: дескать, наконец-то после нескольких лет мытарств отремонтировали мост в зерносовхозе имени Куйбышева, Куйбышевской области. Гляжу — и не верю глазам своим: неужто ошибся корреспондент, неужто ему довести письмо до почтового вагона, как «отремонтированный» мост снова провалился.

Заканчивая свой дальний рейс, изумляюсь безмятежности дорожных «попечителей» Ростовского облисполкома. Уже тысячи машин с хлебом нового урожая двинулись к элеваторам через село Дегтево, Кашарского района. А здешний мост через реку Калитву до сих пор вопиет о капитальном ремонте.

...Признаться, очень не хотелось бы заключать эти дорожные заметки о бездорожье трафаретным «Доколе же?!». Но что поделаешь... Сама тема, как говорится, тоже с бородой, сколько уж ее брили и стригли наши сатирики, а она знай себе отрастает заново...

М. ЛЬВОВ

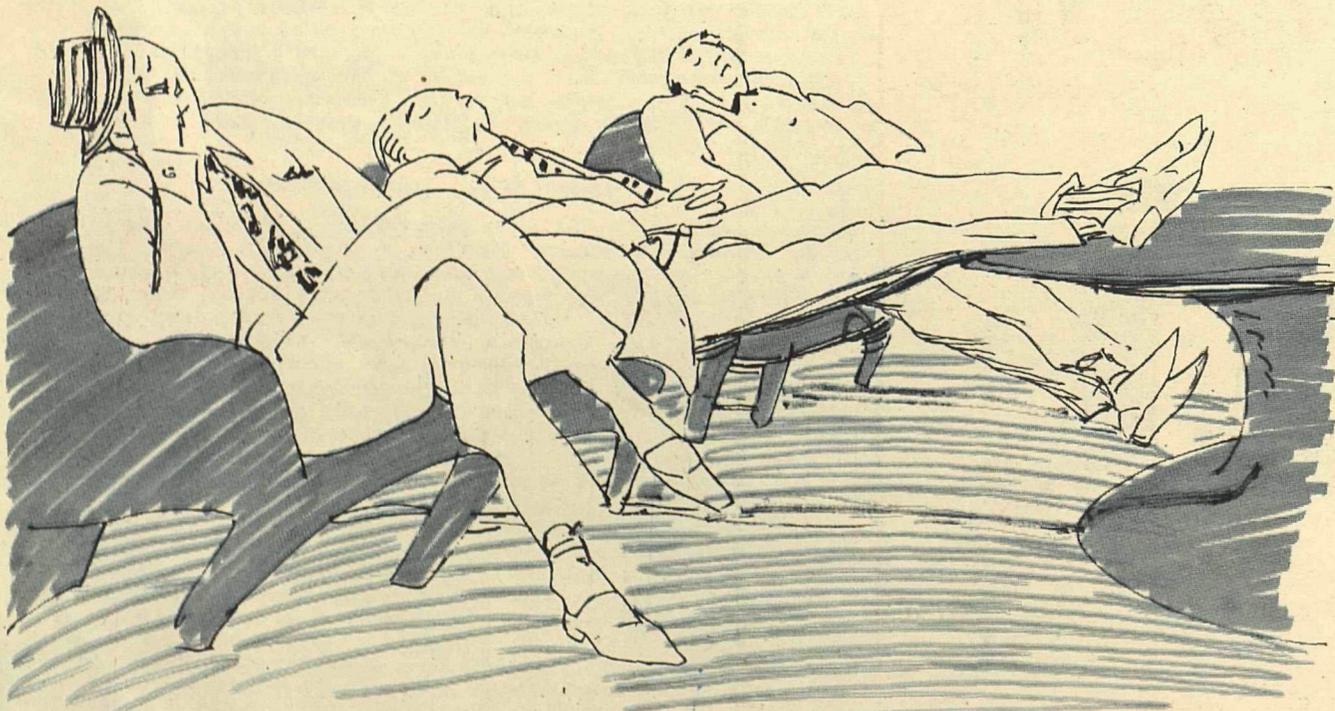

КРОКОДИЛИАДА О ПОЕЗДКЕ В АМЕРИКУ

(Продолжение).

Негритянский мальчик из восточной части Манхэттена, где в основном сосредоточены иммигранты.

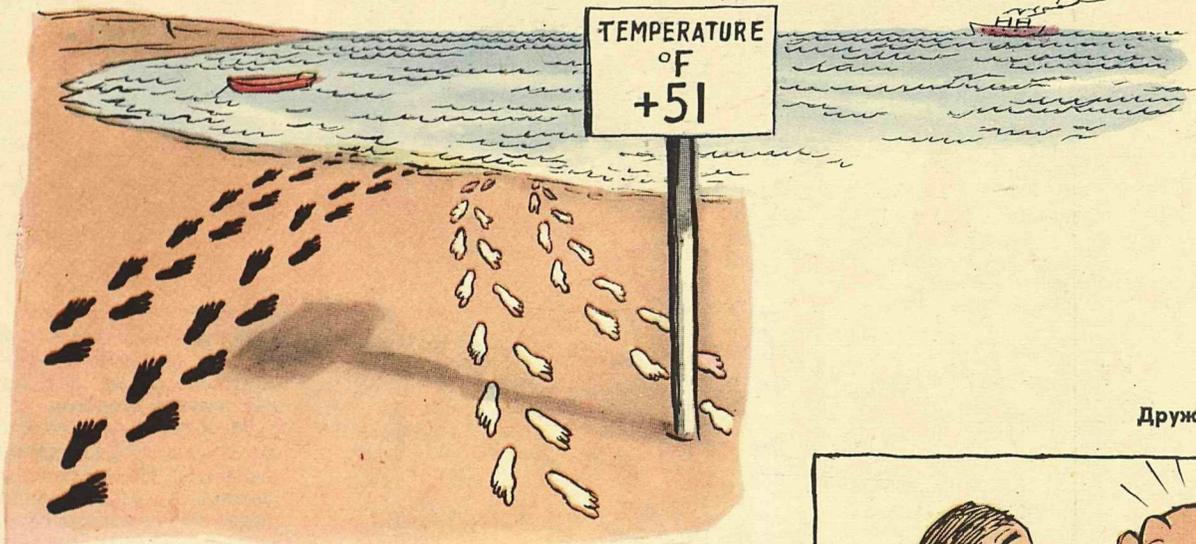

После автомобильных гонок в Индианаполисе. В холле отеля спали приезжие болельщики. Они устали не меньше соревнующихся.

ПУТЕВЫЕ ЗАРИСОВКИ
И. СЕМЕНОВА и В. ГОРЯЕВА.

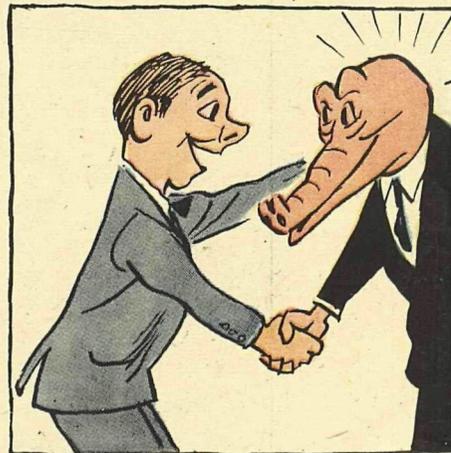

В Нью-Йорке мы обнаружили, что местные собаки окончательно потеряли свой первоначальный облик и характер. Те собаки, которые у них когда-либо существовали, вытравлены серьезным воспитанием и цивилизацией. Имеющиеся в большом количестве частные собачьи школы и колледжи, собачьи парикмахерские и крематории, магазины собачьей одежды и питания сделали свое дело.

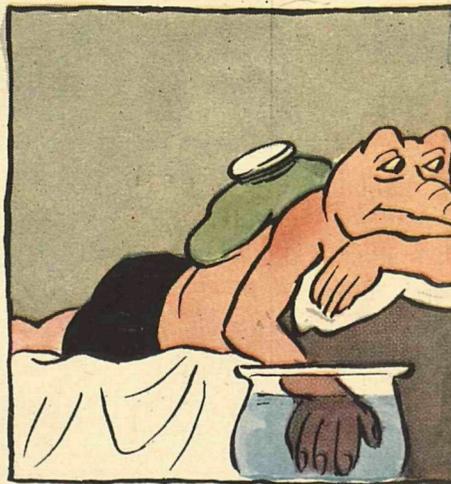

Собираясь в США, мы дали себе слово не оставлять отпечатки пальцев. И все же мы вынуждены были это сделать на берегу Атлантического океана, в Петри-Поан бич.

Дружеские

10 часов утра,

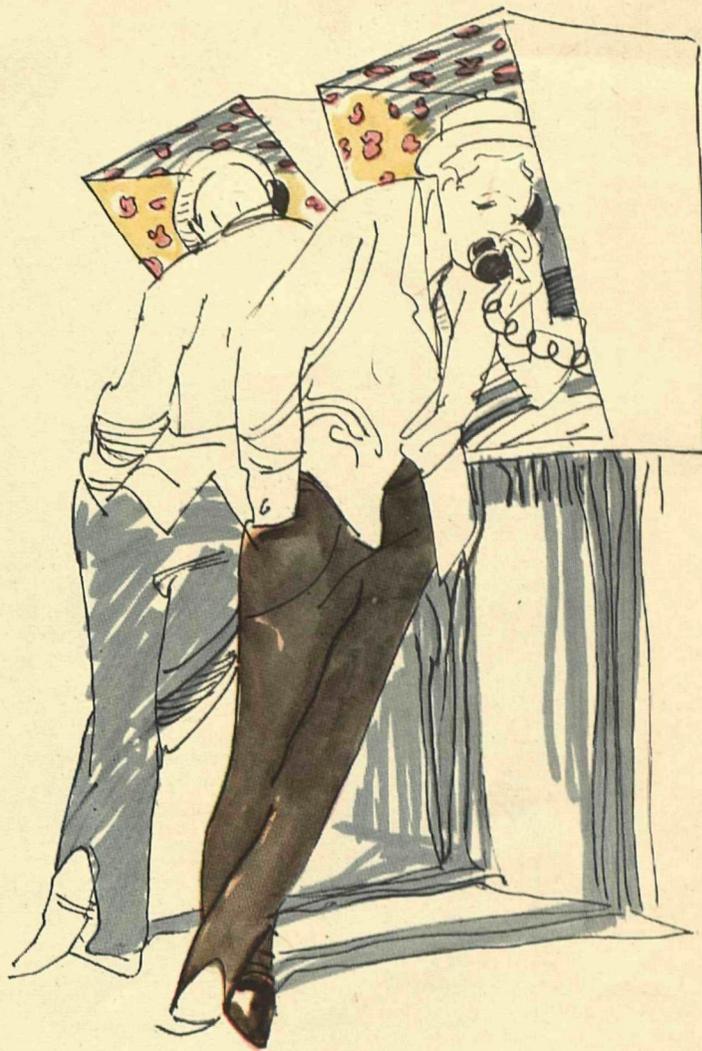
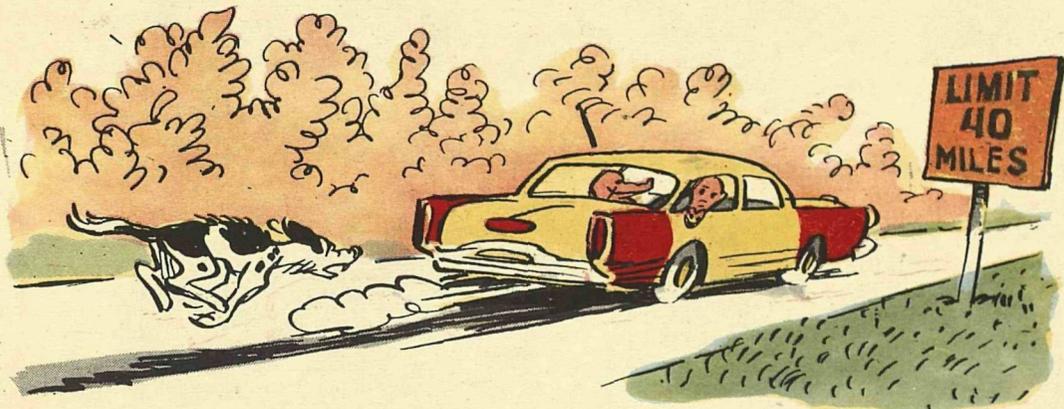
Распухшие руки и г

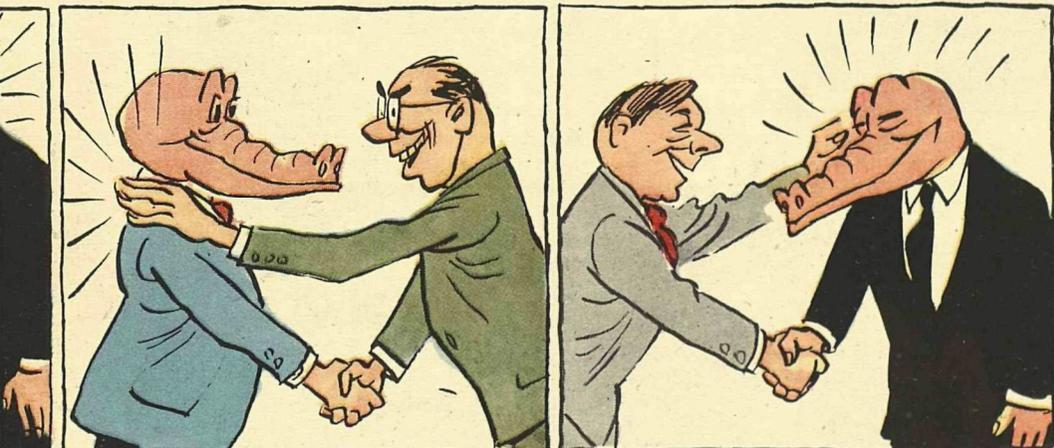
В колледжах учат собак, как вести себя дома, в парикмахерской, на улице, в машине. Стоимость обучения — 300 долларов, а в конце курса за те же деньги происходит «совместное

обучение» — собаку обучают вместе с ее хозяином. Только однажды далеко за городом мы встретили настоящую собаку с настоящим собачьим характером. Рыча и лая, собака

гналась за машиной, пытаясь ухватить ее за колеса, и, если бы не кошка, отвлекшая собачье внимание, она, вероятно, долго неслась бы за нами со скоростью 40 миль в час.

пожатия рук и похлопывания по плечу длились с утра до вечера.

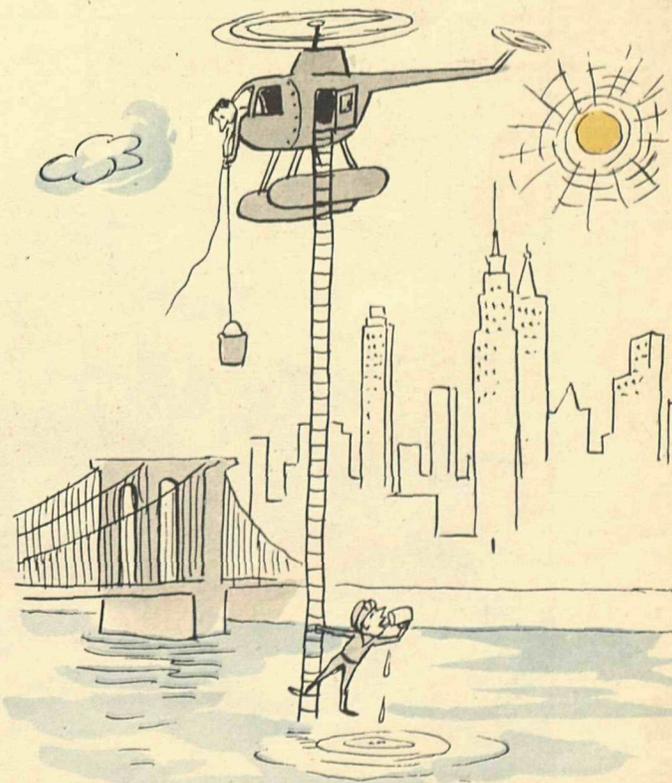
1 час дня,

5 часов вечера.

покрасневшие плечи были свидетелями наших хороших взаимоотношений.

У автоматов.

В Нью-Йорке было жарко и душно.

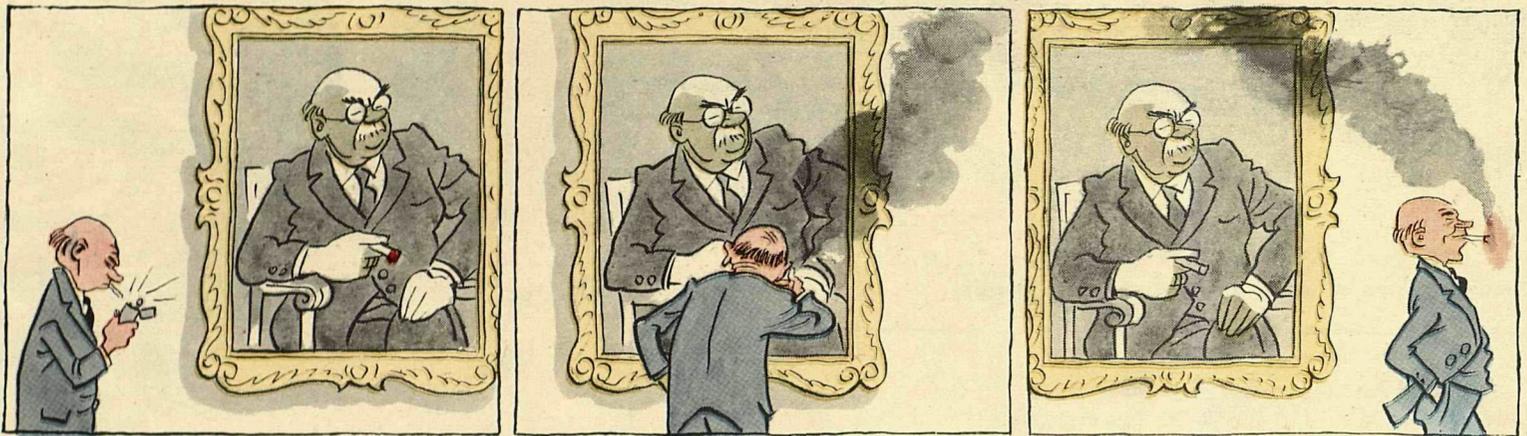
(Рисунок помещен в газете «Нью-Дэй».)

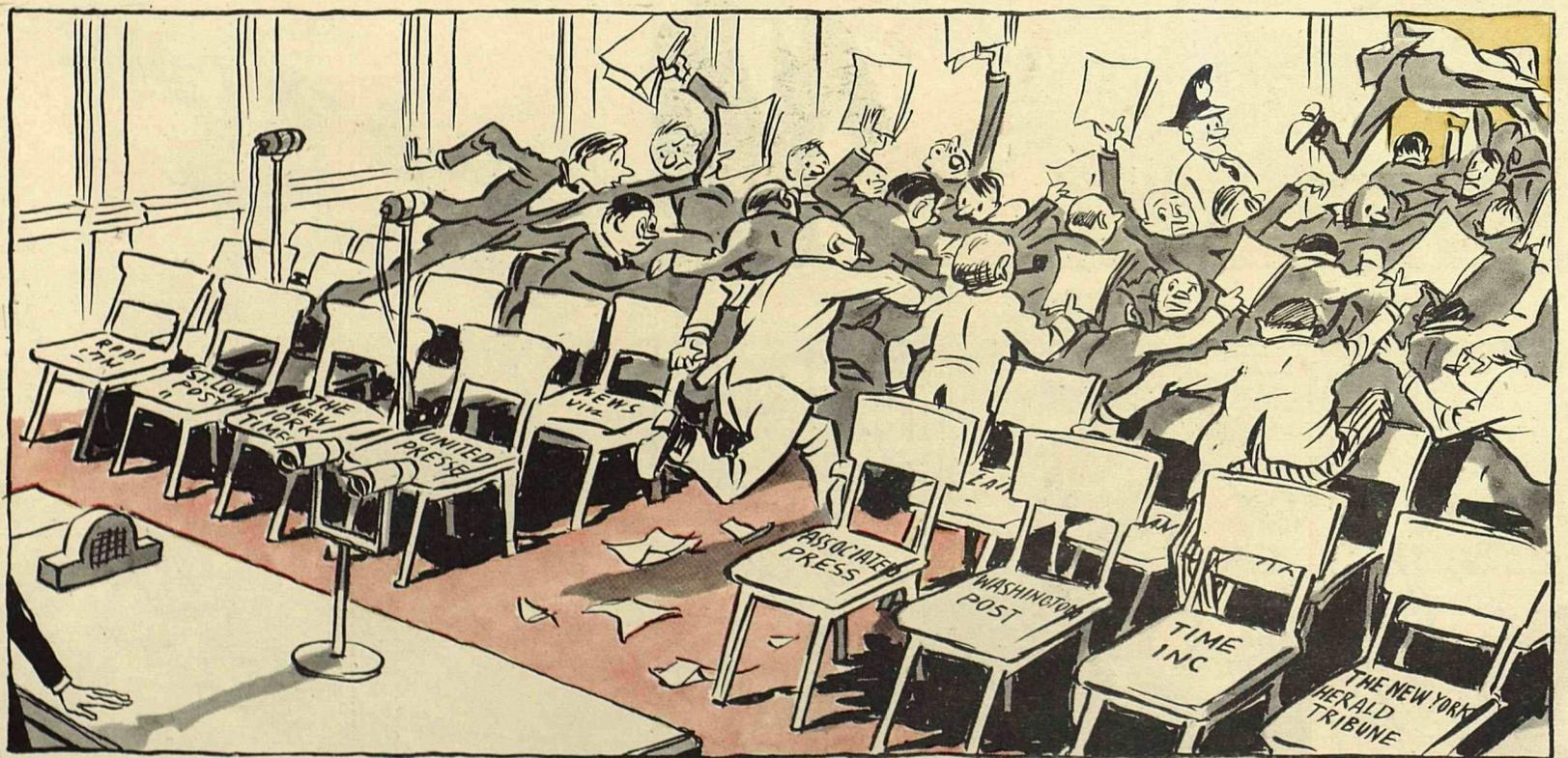
Обычный завтрак — сосиска, заключенная в разрезанную булку [это именуется нью-йоркцами «собачкой»], и бутылка кока-кола.

«ПОРТРЕТ МУЖА» — абстракционизм и натурализм в искусстве.

(Рисунки помещены в журнале «Лайф».)

Вашингтон. После пресс-конференции у президента Эйзенхауэра. Спеша и толкаясь, как школьники на большой перемене, корреспонденты торопятся передать информацию. Из уважения к президенту мы его не нарисовали.

(Рисунок помещен в журнале «Лайф».)

ВАШИНГТОНСКИЕ МУЗЫКОЕДЫ

Рисунок Луиса РАУВОЛЬФА (ГДР) для Кронодила.

В комиссии палаты представителей конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности на Фоли-скуэр происходит очередной допрос.

— Ваше имя и род занятий? — сурово спрашивает стоящего перед ним высокого пожилого мужчину председатель комиссии Морган Моулдер.

— Но вы, ваша честь, меня знаете, я же Даллес, Джон Фостер.

— Отвечайте на вопросы! Чем вы занимаетесь?

— Да я же государственный секретарь, занимаюсь внешней политикой.

— С какой целью вы это делаете?

— То есть как это с какой целью? Разве вам, ваша честь, это не известно?

— Мистер Даллес, здесь задаем вопросы мы! Где и когда вы родились, кем были ваши родители?

— Я, ваша честь, родился в Вашингтоне в 1888 году. Мой папа был священник. А еще у меня был дедушка. Он тоже был государственным секретарем при президенте Гаррисоне.

— Не втирайте нам очки, оставьте вашего дедушку в покое! Когда и при каких обстоятельствах вы общались с советскими дипломатами?..

Прямо скажем, такого вопроса не было. И, вероятно, не будет. Хотя, казалось бы, это было логично...

Дело в том, что государственный секретарь Даллес совершил недавно серьезное преступление. Он вместе с женой присутствовал на концерте советского ансамбля народного танца под управлением Игоря Моисеева. Больше того, по окончании концерта он прошел за кулисы и поздравил советских артистов. «Когда я смотрел ваш концерт, — заявил Даллес, — я по-

чувствовал, что главной его темой является тема счастья. И вы действительно даете своими представлениями много счастья американскому народу, и он выражает вам за это свою признательность».

Но разве это — преступление? С точки зрения знатоков из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, — безусловно. Судите сами.

Как сообщает американская печать, в эту комиссию был вызван целый ряд деятелей американской культуры. Среди вызванных находился и дирижер Артур Лиф. Причиной вызова Лифа в комиссию по расследованию было то, что он несколько раз во время концертов советского ансамбля дирижировал оркестром.

Лиф был подвергнут суровому допросу. Не помогали ли ему коммунисты получить возможность дирижировать оркестром ансамбля? Не посещал ли он вместе с труппой Моисеева какие-либо собрания, «не связанные с музыкальными делами»? И так далее... Короче говоря, через два дня после вызова американский музыкант потерял работу.

Очевидно, сценка, с которой мы начали заметку, в принципе не так уж фантастична, как это может показаться на первый взгляд. Однако о вызове в комиссию мистера Даллеса пока что не слышно. Как тут не вспомнить старинную поговорку: «То, что позволено Юпитеру, не позволено быку!»

Старинная мудрость говорит, что единственная болезнь, от которой не существует никакого лекарства, — это глупость. К этому можно лишь добавить, что особенно опасно, когда такой неизлечимой болезнью страдают власть имущие, заседающие в различных вашингтонских комиссиях.

Валентин ЗОРИН

— Хайль атом!

Рисунок Р. ШУТЕНКО (г. Ростов-на-Дону).

Коротко, но ясно...

Шабачное равноправие

Отныне американским женщинам незачем больше бороться за равную с мужчинами оплату труда и другие права. Равноправия, оказывается, можно добиться при помощи... сигареты.

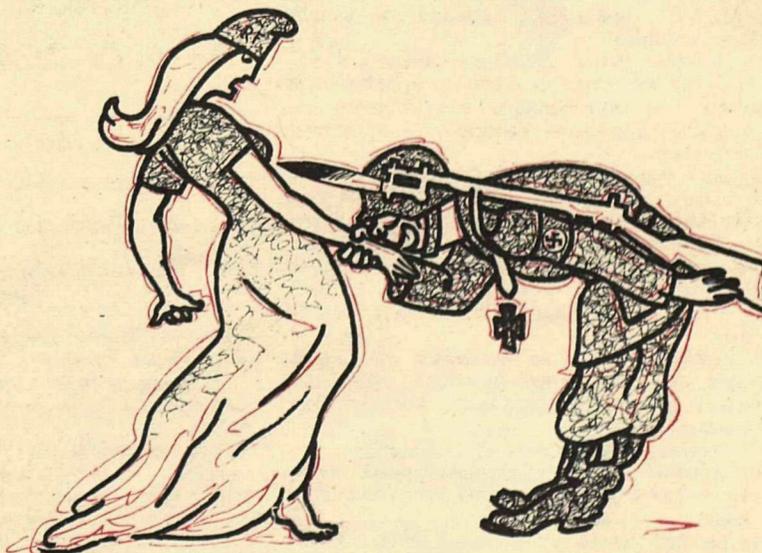
Это сенсационное открытие, по сообщению американского журнала «Ньюсуик», сделал глава Института по изучению побуждающих мотивов доктор Эрнст Дихтер, который заявил: «Акт курения символизирует для женщин равенство».

Итак, вопрос о равноправии женщин в Соединенных Штатах можно теперь выразить короткой поговоркой: дело — табак.

Искусство и пошлина

Как пишет тот же журнал «Ньюсуик», американские таможенники не считают абстрактную живопись и скульптуру произведениями искусства и посему облагают их при ввозе пошлиной, точно так же, как холст, камень и т. д.

Таким образом, можно смело сказать, что американские таможенники сумели по достоинству оценить абстрактное искусство.

Кавалер из Бонна.

ЮГ
58

- Готовьтесь к совещанию на высшем уровне.
- Как прикажете готовиться!
- Как можно дольше...

СТРАННО... НО ФАКТ

Ах, если бы Базилу Дэвидсону разрешили писать корреспонденции стихами! Вот уж он блеснул бы! Но, увы, законы газетного дела суровы. И Базиль Дэвидсон скрепя сердце пишет прозой.

«На голубых скалах Ливана сверкают и светятся в неподвижном покое маленькие белые городки».

Сии лирические строки открывают очередную статью Дэвидсона в лондонской газете «Дейли геральд».

Но голубые скалы Ливана являются в наши дни, как известно, не очень-то подходящим объектом для отвлеченного поэтического созерцания. И Дэвидсон совсем уже прозаически замечает:

«Однако это спокойствие обманчиво».

В самом деле, на Ближнем Востоке неспокойно. Гремят выстрелы. Проливается кровь. В маленькие белые городки нацелены пушки американских кораблей. Словом, что-то происходит... Что же именно?

На это Базиль Дэвидсон, извините, ответить не может.

«В Бейруте люди, по-видимому, лишились рассудка. В Триполи что-то очень, очень неладно... В Адене... происходит что-то очень странное».

Так что же все-таки там происходит?

«Английские военно-воздушные силы сбрасывают тысячефунтовые бомбы на восставшие племена».

Как видим, ничего странного в этой «странности» нет. А есть, коротко говоря, обычная практика колонизаторов — топить в крови освободительное народное движение. Однако такие простые выводы чужды поэтическому перу Базилия Дэвидсона. И он продолжает в туманно-загадочном духе лепетать что-то о

«непонятной истории беспорядков и волнений в Аравии...»

Не правда ли, мистер Дэвидсон, какие странные, непонятные вещи происходят с таблицей умножения? Дважды два — четыре, а дважды три — шесть... С этой таблицей, должно быть, что-то очень, очень неладно!

В. АЛЕКСАНДРОВ

КЕЙСИ ДЖОНС И ЕГО ПОКРОВИТЕЛИ

Помните, как поется в песне Джо Хилла про Кейси Джонса, американского штрейкбрехера?

Однажды забастовку объявили мы
и только Кейси-машинист решил не бастовать.
«К чему бороться, — думал он, — не лучше ль есть свой хлеб?..»

Вот так Кейси Джонс и стал штрейкбрехером, иначе говоря — скэбом.

Хозяева, конечно, оценили его верность по достоинству: они ему повесили медаль на грудь.

Однако медаль, полученная Кейси Джонсом, оказалась чересчур тяжелой и, как привязанный к шее булыжник, увлекла его на дно реки. Оттуда он пытался пробраться в рай, но и здесь бастовавшие ангелы-хранители не потерпели продажного скэба...

...И выбросили в ад его ко всем чертям.

Так злополучный Кейси наконец приземлился там, где ему и положено. Тем не менее в сегодняшней Америке хозяева продолжают плодить и опекать Кейси Джонсов.

В качестве новой «звезды» штрейкбрехерства на американском небосклоне появился некто Поль Рассел, электрик из штата Алабама. Он тоже «решил не бастовать». Однако все его старания прорваться через ряды пикетчиков не увенчались успехом. Поль заметно приуныл. Тогда друзья штрейкбрехера посоветовали ему постучаться в райские ворота, то есть в двери суда, и потребовать от профсоюза рабочих автопромышленности возмещения «материального и морального ущерба».

Когда Верховный суд штата постановил иск удовлетворить и присудить штрейкбрехеру десять тысяч долларов, профсоюз передал дело в Верховный суд страны. И вот недавно, по сообщению журнала «Тайм», шесть из девяти апостолов Верховного суда — абсолютное апостольское большинство! — поддержали своих собратьев из Алабамы.

Скэбу оказали трогательный прием. Широко распахнулись главные райские ворота, заиграли нежные струны арф, запели дивные голоса. Они возвестили, что отныне каждый скэб, «лишившийся работы из-за пикетчиков», имеет право подавать на профсоюзного «сатану» в местные суды и требовать взыскания... убытков. В суматохе позабыли вынести частное определение о привлечении к ответственности заодно и небесных ангелов-хранителей...

Могущественные хозяева Кейси Джонса намерены создать для таких, как он, райские условия если не на небеси, то на грешной земле. Однако у рабочего класса Америки своя собственная точка зрения на этот счет. И еще не один раз Полю Расселу и его собратьям по предательству предстоит вспомнить заключительные строки песни Джо Хилла:

...Кейси Джонс жалеет, что был скэбом.
Что и просит всех штрейкбрехеров
иметь в виду!

Ю. СЕНИН

Как только тело Якова Петровича приняло горизонтальное положение, он тут же уютно свернулся калачиком и захрапел. Не думайте, однако, что заснул он в собственной постели, утомленный после трудового дня. Постелью Якову Петровичу служила площадка Киевского вокзала в Москве, а труды его в этот день ограничились лишь распитием бутылки водки.

— Господи, хуже животного! — в сердцах заметил какой-то пожилой человек, учуяв густой аромат перегара.

— Ишь ты, судья какой выискался! — возразил ему другой прохожий, принадлежавший, очевидно, к распространенному племени добровольных защитников пьяниц.

Впрочем, судья действительно выискался. Судьей был сам Яков Петрович Погодаев. И не просто судьей, а членом Сахалинского областного суда. Когда два милиционера попытались вежливо разбудить его, он невнятно пробормотал: «Встать, суд идет!» — и повернулся на другой бок. Пришлось Якову Петровича осторожно погрузить в милицейский фургон и отвезти в вытрезвитель.

Наутро судья, протрезвевший и подавленный, вышел на улицу. «Боже мой, какой позор! — думал он. — Судья — и вдруг попадает в вытрезвитель. Это пятно нужно смыть!»

Простите, но мы, кажется, ошиблись. Яков Петрович, наверно, подумал не «смыть», а «обмыть», потому что через два часа пять минут он был снова доставлен в вытрезвитель «в полной степени алкогольного опьянения», как гласит протокол. К чести Якова Петровича, нужно сказать, что больше на площадке Киевского вокзала он на ночлег не устраивался. На этот раз он решил подремать на улице Молчановке.

Зато Анатолий Алексеевич Парамонов оказался куда более культурным человеком. Его тонкая и деликатная натура не позволила ему, подобно сахалинскому судье, улечься прямо на улице. Нет, не таков Анатолий Алексеевич! Свое ложе он устроил во дворе дома номер 28 по улице Горького. Глядя на его неподвижную фигуру, работники милиции и представить себе не могли, что перед ними сам начальник Главного управления по ремонту подвижного состава и производству запасных частей Министерства путей сообщения.

Это, по-видимому, оскорбило Анатолия Алексеевича, и в вытрезвителе он постарался всю развернуть свои руководящие способности.

— Р-р-разгону! Всех уволю! — гремел он, пока санитары раздевали его, готовя к ванне. — Кто вы? Ничтожества! Никто и ничто!!!

Даже наутро, приобретя подвижность и приготовившись снова руководить ремонтом подвижного состава, он не переставал объявлять работникам вытрезвителя строжайшие выговоры.

Гали Минярович Валиахметов, подобранный во дворе дома номер 17 по Пушкинской улице, напротив, отличался необычайной скромностью и говорил о себе крайне неохотно.

— Ваше место работы? — спросили его после того, как он пришел в себя.

— Видите ли, понятие «место работы» можно рассматривать с различных точек зрения. Так, например, в древнем Риме...

— При чем тут Рим?

— Простите, но древние греки этот вопрос рассматривали дуалистически...

— А вы сами?

— Нельзя ставить вопрос вне его исторического развития.

Лишь с трудом, проследив все веки исторического развития, удалось установить, что Валиахметов — юрист и что, помимо вытрезвителя, его можно увидеть во Всесоюзном институте юридических наук, где он занимает должность научного сотрудника.

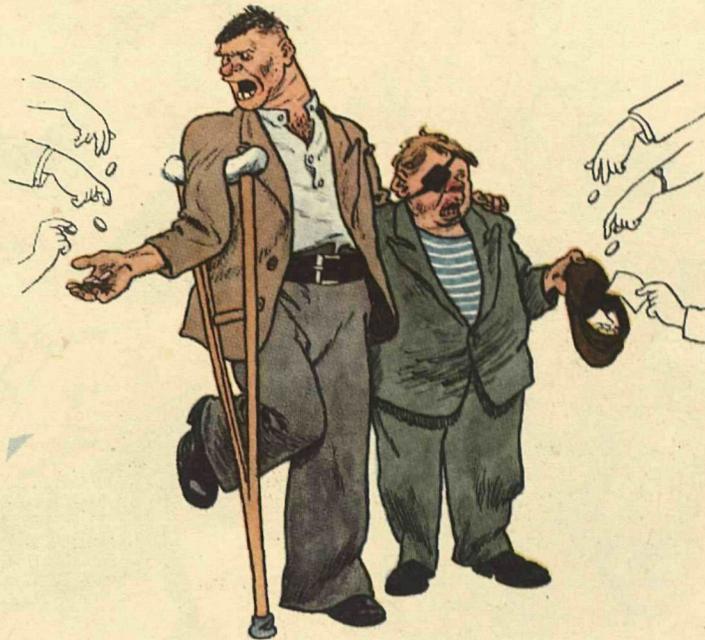
Еще несколько шагов, и мы спотыкаемся о новую жертву, павшую на асфальт после водкопролитной схватки с зеленым змием. Будучи привезен в вытрезвитель и приведен в себя, комсомолец Олег Иванович Соколов, конструктор технического цеха Автозавода имени Лихачева, проявил незаурядный конструкторский талант. С замечательным чувством слова возводил он одну за другой многэтажные конструкции изысканнейшего мата.

Вполне естественно, что период протрезвления перешел у него конвейером в восемь суток, полученных за хулиганство.

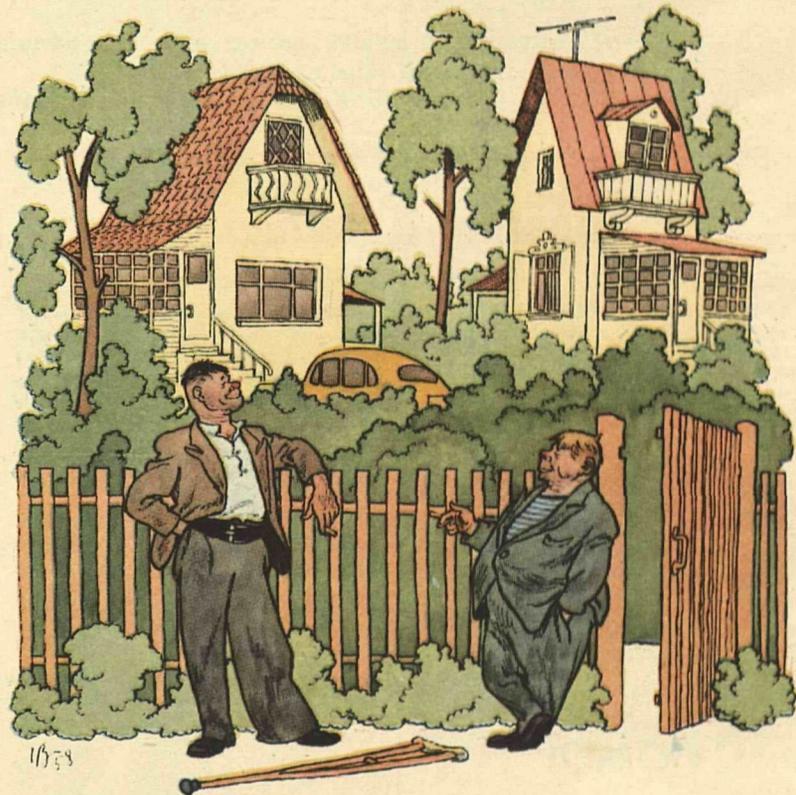
Впрочем, пьяницы бывают и тихие.

Как-то теплой ночью на площадке у Белорусского вокзала стоял человек и пристально рассматривал асфальт. Принимая во внимание его профессию, в этом не было ничего удивительного. Как госсанинспектор, Николай Гаврилович Семенов привык бдительно следить за чистотой.

Убедившись в том, что площадка отлично выметена, Николай Гаврилович довольно крикнул и... улечься на мостовую. Нет, нет, поспешил заверить он разбудившего его милиционера, он не пьян, он просто хотел прове-

На подачки...

...по дачке!

рить, не осталось ли на асфальте пыли... Если бы язык его окончательно не потерял вскоре способности ворочаться, он бы и в вытрезвителе, наверно, заявил, что явился туда для проверки санитарного состояния...

* * *

До чего удивительная вещь — штрафы! Если в Москве бросишь на асфальт окурок, блюститель порядка тут как тут: десять рублей штрафа! А если вместо окурка на асфальте будет обнаружен потерявший человеческий облик пьяница, штрафа не будет. Разве только придется заплатить рублей двадцать — сорок за ванну и ночлег в вытрезвителе.

Стоит шоферу неосторожно подать сигнал, блюститель порядка незамедлительно взыщет с него десятку. Но можно сколько угодно изрыгать на улице пьяную ругань и во все горло утверждать, что камыш действительно шумел, штрафа не будет.

А жаль! Добровольное общество защиты алкоголиков давно пора распустить и на улице, и на работе, и в быту.

З. ЮРЬЕВ

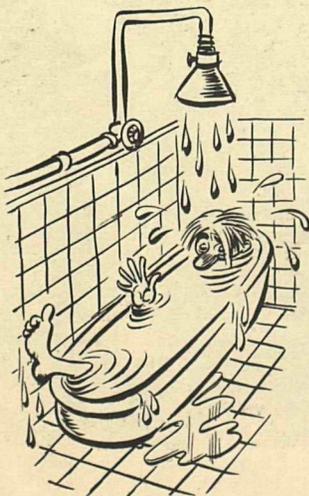
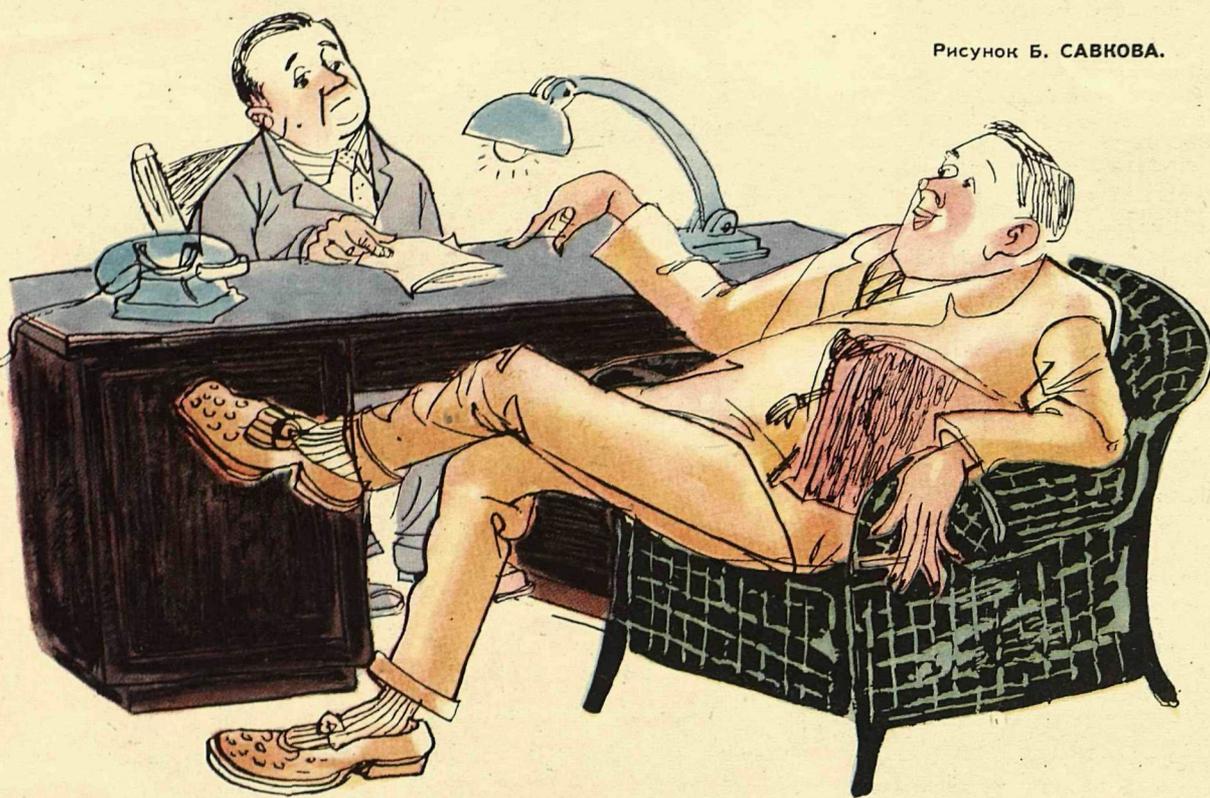

Рисунок Б. САВКОВА.

РЕДАКТОР:— В вашей поэме нужно переделать начало, усилить середину, придумать новый конец.
АВТОР: — Понятно. Когда же вы все это сделаете!

Знаешь ли ты, почему многих покупателей бросает в жар от слова «холодильник»? Объясняется это весьма просто. Они вспоминают свои безуспешные попытки купить для него обыкновенный трансформатор, который необходим при напряжении сети в 220 вольт. Найти этот нехитрый аппарат так же трудно, как жемчуг в Москве-реке.

Самое удивительное заключается еще в том, что производство тридцатирублевых трансформаторов по милости планирующих организаций никак не может поспеть за выпуском более дорогих и сложных холодильников.

Дорогой Крокодил, нельзя ли сделать так, чтобы у потребителей не повышалась температура, когда речь идет о машинах, вырабатывающих холод?

Торговые работники М. ЕРШОВ, Л. ЖОЛКОВСКИЙ, В. ТРУШИН.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Когда Козьма Прутков писал: «Не ходи по кособору,— сапоги стопчешь!»,— он, очевидно, имел в виду не столько рельеф местности, сколько качество самих сапог. Местность у нас в Дагестане — одни кособоры, но на обувь мы не жаловались до недавнего времени, пока не заказали в гундипской артели «Новая жизнь» по десяти пар чариков и чувак для нашей танцевальной группы.

Заплатили мы 2543 рубля, и заказ был выполнен за три дня. А танцевали в этой обуви только два часа — ровно столько времени потребовалось, чтобы протерлась подошва. Отдали чарики для ремонта в ту же артель. Оказалось, что ремонтируют там так же, как шьют: едва мы дошли до клуба,—латки оторвались.

Несмотря на дырявые чарики и чуваки, танцевали мы на конкурсе пяти районов с успехом и заняли первое место. А вот с качеством в артели «Новая жизнь», видимо, не вытанцовывается.

М. МУСАЕВ

Гуниб, Дагестанской АССР.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Говорят, скоро сказка сказывается, но эта сказка про белого радиобочка тянется уже более трех лет.

Еще в январе 1955 года на общем собрании в колхозе «Страж революции» было решено: радиофицировать все дома колхозников! И тут же, без всякой проволочки, перевели 15 тысяч рублей за оборудование радиоузла

Токаревской районной конторе связи. А молодого колхозника Ивана Комарова послали для срочного обучения на курсы радиотехников.

Но с тех пор и до последнего времени вместо голоса Москвы мы слышали только успокоительные заверения начальника районной конторы связи тов. Чижова. Да еще в прошлом году пришел ответ на нашу жалобу из Там-

бовского обкома партии: дескать, на 1958 год радиоузел для вашего колхоза будет запланирован. Увы! Совсем недавно и неожиданно тов. Чижов «поправил» товарищей из обкома.

— И-и-и, милые, на этот год и не надейтесь! — ласково сказал он. — Раньше будущего никакого вам узла не будет.

В общем... стоит кол, на колу мочало, не начать ли радиоволонтеру сначала?

В. ХОХЛОВ,

председатель Красивского сельсовета, Тамбовской области.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

(ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ)

Жители Родинского района, Алтайского края, написали Крокодилу о том, что в их районе нет зубного врача или техника и для лечения зубов приходится ездить за 100, 200 и более километров.

В настоящее время в Родинский район направлены на постоянную работу зубной врач и зубной техник.

Из поселка Победино (Сахалинская область) сообщили Крокодилу об отсутствии электричества.

Теперь в поселке установлена передвижная электростанция.

Колхоз «Ленинский путь», Костромской области, долгое время не мог получить необходимый для его мастерской сверлильный станок. Львовским советом народного хозяйства дано указание станкоремонтному заводу изготовить и отгрузить колхозу «Ленинский путь» сверлильный станок.

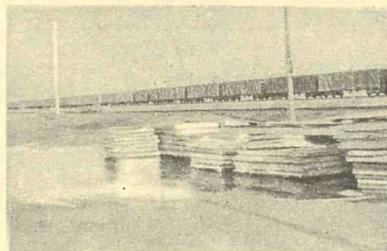

ПОДХАЛИМ ПЕРЕСТАРЛСЯ.

КРОКОДИЛЬСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Прямо скажем: в Академии художеств Крокодильская картинная галерея пока еще не зарегистрирована. Тем не менее художества, представленные в нашей сегодняшней экспозиции, заслуживают и внимания и серьезной оценки. Позвольте пригласить вас на вернисаж!

В первую очередь познакомьтесь, пожалуйста, с выразительным водным пейзажем.

Пейзаж изображает, как видите, широкую водную гладь. На ней плавно покачиваются горки разбухших от влаги деревянных щитов. Железнодорожный состав на заднем плане свидетельствует, что они прибыли сюда издалека.

Если добавить, что щиты предназначены для сборки жилых домов, картина станет совершенно ясной. Во всем, кроме одного: кто из коллектива ее авторов — членов правления Семиозерного сельпо (ст. Аманкарагай, Кустанайской области) — несет за этот пейзаж персональную ответственность?..

А что вы скажете об этом монументальном зрелище?

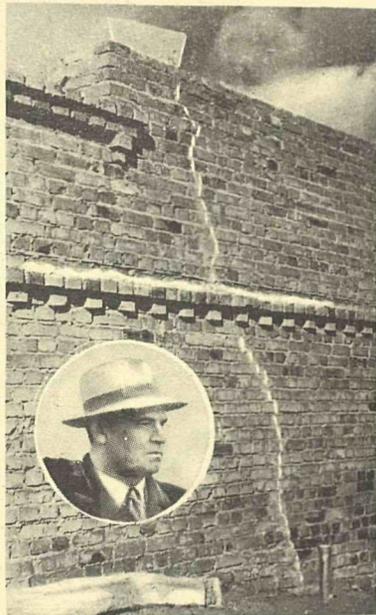

Только не ошибитесь, пожалуйста: свисающие по фасаду здания полотнища развешаны не домашними хозяйками после стирки. И вообще это не постельное белье, а мягкая кровля. Осенью она настилена была на литейном корпусе завода «Кайтра» (г. Лентварис), а под лучами весеннего сол-

нышка поползла... Не правда ли, милая картинка площадью в тысячу квадратных метров?

Творцы этого выдающегося произведения — руководители 17-го стройуправления Министерства строительства Литовской ССР гг. Мухин и Полонский. Оценивая по достоинству плоды их трудов и раздумий, мы отводим им в нашей Крокодильской галерее самое видное место...

Что прежде всего бросается в глаза при взгляде на стену только что выстроенного дома для рабочих совхоза «Волоколамский»?

Живописная волнистая линия, в просторечии именуемая трещиной. Она оставляет у жильцов очень сильное впечатление и настолько глубока, что все попытки затушевать ее штукатуркой остались пока безрезультатными.

Этот яркий образчик зодчества характерен для всей творческой деятельности Волоколамского строительного-монтажного управления треста «Красногорскстрой». И потому администрация галереи признала целесообразным экспонировать (в овале) также портрет главного инженера СМУ тов. Уткина. Взгляните на этого велевого, энергичного строителя — и вы сами убедитесь, что от него можно ждать еще многого...

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— Уступили бы нам эту силосную башню под каланчу... Все равно каждый год пустует.

Перед вами, с позволения сказать, музыкальная картинка.

Направо — главный вход в концертный зал Краснодарской краевой филармонии. Налево — умело вписанный в архитектурный ансамбль мусорный ящик. Не видны нам, но неизменно услаждают зрение и обоняние посетителей концертов груды ящиков, битой посуды, всяческих отходов соседнего «Гастронома»...

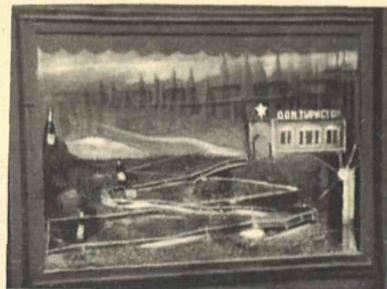

Этот зрительно-обонятельный ансамбль можно было бы считать вполне законченным, если бы не одна странность: он производит большое впечатление на всех, кроме работников Краснодарского горсовета.

В заключение приглашаем вас полюбоваться стереоскопической панорамой под условным названием «Путеводные вежи».

На фоне лесного пейзажа — затейливое строение, украшенное

вывеской «Дом туристов». К нему ведут извилистые тропки-дорожки. А чтобы туристы, избави боже, не сбились с пути, на каждом повороте аккуратно расставлены бутылки с вином, шампанским и традиционной «белой головкой».

Так представляет себе наилучший вариант туристского маршрута заведующий гастрономическим магазином в Солотвине, Закарпатской области. Видите, как вдохновенно оформил он свою выставочную витрину!

...Итак, Крокодильская картинная галерея открыта. Вход (для читателей журнала) бесплатный. Специальные и персональные выставки — по мере накопления экспонатов. Прием новых художеств ежедневно и беспрепятственно. Милости просим!

Дежурный хранитель галереи
С. ШЕВЕЛЕВ.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05479. Изд. № 863. Подписано к печати 9/VII 1958 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 1665. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

(К открытию памятника В. В. Маяковскому в Москве)

18535

Ж.

41
1959 июль

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпля.
1959 г.

— Александр Сергеевич, разрешите
представиться. Маяковский.